

Повседневная экзотика
в школьных риторических упражнениях Древнего Рима
(на материале «Воспитания оратора» Квинтилиана
и «Диалога об ораторах» Тацита)

Алексей Е. Беликов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,

Москва, Россия,

Национальный исследовательский университет

«Московский физико-технический институт», Долгопрудный,

Московская обл., Россия, belikov.smu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются контексты из Квинтилиана (Quint. 3.6.96-103; 7.8.3-6), Тацита (Tac. dial. 35), Ювенала (Iuv. 7.150-151) с целью показать некоторые особенности жанра античной школьной декламации и типические образы, встречающиеся в этих упражнениях. При этом высказывается критика распространенного в изданиях мнения, что некоторые из этих образов (тираны и тираноубийцы) могли восприниматься как антимонархические и угрожающие императорской власти; два якобы произошедших случая репрессивных действий римских императоров против конкретных раторов после разбора предлагается рассматривать как эксцессы (а один из этих случаев вообще может считаться ненадежным); оппозиционные настроения в «Диалоге об ораторах» Тацита связываются вовсе не с жанром декламации, а с драмой; лояльный Домициану Квинтилиан многократно использует примеры задач с тиранами и тираноубийцами как совершенно нейтральные. Предполагается видеть в экзотическом характере сюжетов и персонажей повседневную потребность школьных преподавателей в изобретении достаточно сложных условий риторических задач для развития способностей учеников к поиску аргументации. Для этой цели Квинтилиан активно применяет теорию статусов, пример использования которой дается в переводе ранее не публиковавшихся фрагментов из третьей книги «Воспитания оратора».

Ключевые слова: Квинтилиан, Тацит, риторика, декламация, теория статусов

Для цитирования: Беликов А.Е. Повседневная экзотика в школьных риторических упражнениях Древнего Рима (на материале «Воспитания оратора» Квинтилиана и «Диалога об ораторах» Тацита) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 39–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-39-49

Everyday exoticism
in school rhetorical exercises of Ancient Rome
(on the material of Quintilian's "Institutes of Oratory"
and Tacitus' "Dialogue on Orators")

Alexei E. Belikov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Moscow Institute of Physics and Technology,
Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, belikov.smu@gmail.com*

Abstract. The article considers contexts from Quintilian (Quint. 3.6.96–103; 7.8.3–6), Tacitus (Tac. dial. 35), and Juvenal (Iuv. 7.150–151) in order to show some features of the genre of Ancient school recitation and the typical images found in these exercises. At the same time, a criticism is made of the opinion widespread in the editions that some of these images (tyrants and tyrannicide) could be perceived as anti-monarchical and threatening to imperial power; two alleged cases of repressive actions of Roman emperors against specific rhetors are suggested to be regarded as excesses (and one of the cases can be considered unreliable at all); oppositional sentiments in Tacitus' "Dialogue on Orators" are associated not with the genre of recitation at all, but with drama; Quintilian, loyal to Domitian, repeatedly uses examples of tasks with tyrants and tyrannicide as absolutely neutral. It is supposed to see in the exotic nature of the plots and characters the everyday need of school teachers to invent sufficiently complex conditions of rhetorical tasks to develop students' abilities to find arguments. Thereto Quintilian actively applies the theory of statuses, an example of the use of which is given in the translation of previously unpublished fragments from the third book of "Institutes of Oratory".

Keywords: Quintilian, rhetoric, recitation, theory of statuses

For citation: Belikov, A.E. (2023), "Everyday exoticism in school rhetorical exercises of Ancient Rome (on the material of Quintilian's 'Institutes of Oratory' and Tacitus' 'Dialogue on Orators')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 39–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-39-49

Одним из наиболее продвинутых упражнений в римской риторической школе была декламация – по крайней мере, в период Ранней империи, поскольку сведения о республиканских школах носят более отрывочный характер. М.Л. Гаспаров характеризует ее следующим образом: «Основным видом занятий в риторической школе стали декламации – речи на вымышленные темы. Было два вида декламаций – контроверсии, речи по поводу фиктивного

судебного казуса, и суазории, увещательные речи к лицу, колеблющемуся в каком-нибудь затруднительном положении. Такие декламации были известны школе издавна; но обычно они старались держаться тематически ближе к действительности, использовали для контroversий реальные судебные дела, а для суазорий – реальные исторические ситуации; теперь же, когда главным в красноречии стало не содержание, а форма, тематика декламаций все дальше стала уходить от действительности. Началась погоня за эффектами в ущерб правдоподобию; тираноубийцы, пираты, насильники, неслыханные герои и неслыханные злодеи стали постоянными персонажами декламаций; чтобы сделать положения как можно более замысловатыми, в контroversии вводились несуществующие законы, а в суазории – небывалые исторические события» [Гаспаров 1972, с. 66]. Этот текст – один из лучших по заданной теме вплоть до наших дней, но в нем нельзя не заметить широко распространенное в науке негативное отношение к декламации, восходящее еще к Античности (подробный разбор античной критики декламации дает [Bonner 1949, pp. 71–83]).

Однако в последнее время предпринимаются активные попытки к пересмотру отношения к этому школьному жанру: например, Бернштейн предлагает видеть в декламациях этическую сторону [Bernstein 2013], тогда как немногим ранее Блумер акцентировал важность этого упражнения для репрезентации характера (*persona*) [Bloomer 2011, pp. 231–248]. Хотелось бы, чтобы и отечественная научная и педагогическая мысль обратилась к этой проблематике, и, чтобы дать некоторый новый материал, я хотел бы рассмотреть некоторые примеры использования сюжетов декламаций у Квинтилиана. Общая характеристика его отношения к этим упражнениям содержится во второй книге «Воспитания оратора» (2.10.1–12) и подробно пересказана Т.И. Кузнецовой [Кузнецова-Стрельникова 1976, с. 193–195], которая отмечает «эклектический принцип “золотой середины”» в том, чтобы «регулировать декламацию», при этом, по ее мнению, Квинтилиан «в какой-то мере находился под воздействием традиции риторических школ и не мог стать выше своего века, совсем отмежеваться от преобладающей моды». Вместе с тем, как мне кажется, остается в тени основа подхода Квинтилиана – теория статусов¹, которой у него полностью посвящена

¹ Статусы – способ классификации вопросов, которые выделяются в судебной речи (хотя в целом теория претендует и на более общее значение классификации любых вопросов риторики и философии). Статус позволяет определить главный спорный пункт и найти необходимую аргументацию. В риторических сочинениях даются разнообразные схемы статусов,

третья книга и которая постоянно им привлекается для решения как школьных риторических задач, так и для комментирования реальных речей.

Вот одна из разбираемых Квинтилианом задач – в качестве условия даются нормы законов, затем положение сторон и предмет спора (3.6.96–97, здесь и далее перевод Квинтилиана мой): «Всякое составленное по закону завещание имеет силу; если родители не оставили завещания, наследниками являются дети; отреченный сын не может получить ничего из имущества отца; незаконнорожденный сын, если он был рожден до законного сына, считается законнорожденным, если после – всего лишь гражданином; сына можно отдать на усыновление; отданный на усыновление может вернуться в семью, если его природный отец умер без детей; некий человек из двух своих законных сыновей одного отдал на усыновление, а от второго отрекся, после чего принял бастарда, затем умер, указав наследником отреченного сына; все трое заявили права на имущество».

Этот весьма запутанный случай – пример иска трех сторон – Квинтилиан разбирает без особого труда, накладывая на него категориальную сетку статусов (3.6.98–103, с сокращениями): «Указанному в завещании наследнику возражают с помощью закона: “Отреченный сын не может получить ничего из имущества отца”, возникает статус буквы и смысла закона: может ли он получить имущество каким-либо образом, может ли по воле отца, может ли будучи указанным в завещании? В отношении бастарда вопрос двойной: что он был рожден после законных сыновей и что он не был рожден до появления законного сына. Первая часть содержит силлогизм: можно ли считать, что вышедшие из состава семьи как бы “не рождались”; вторая часть относится к вопросу буквы и смысла закона: поскольку очевидно, что он не был “рожден до за-

наиболее часто используется схема, возводимая к Гермагору из Темноса. Выделяются основные четыре логических статуса: установление (было ли?), определение (что это было?), оценка (было ли это хорошо или дурно? – часто называется в литературе статусом законности), перенесение (нарушение подсудности). Дополнительно выделяются четыре «вопроса закона»: буква и смысл (соотнесение текста и воли законодателя), противоречие законов (конфликт норм), двусмысленность (интерпретация текста), силлогизм или умозаключение (выведение несуществующей нормы из уже существующих, аналогия права). Упрощенный пример для пояснения первых трех основных статусов: на обвинение «Ты убил!» можно ответить «Я не убивал» (установление), «Это была самооборона» (определение), «Я убил, но зато предотвратил большее преступление» (оценка).

конного сына”, он обратится за защитой к смыслу закона, сказав, что имелось в виду, что бастард должен считаться законным сыном, если на момент рождения бастарда в доме не было другого законного сына <...> Третьему сыну, желающему возвратиться в семью, со стороны первого будет возражение: “Ты не можешь вернуться, я назван наследником” – статус здесь будет такой же, как в иске отречения: может ли отреченный быть наследником? Еще одно возражение будет со стороны и первого, и второго вместе: “Ты не можешь вернуться в семью, поскольку отец умер не без детей” <...> Итак, в одном и том же споре оказываются по одной классификации: два подвида “статуса от закона” – буквы и смысла и силлогизм – и затем статус определения; по другой классификации те три статуса, которые, на мой взгляд, только и существуют по природе: статус установления в вопросе о букве и смысле, статус оценки в умозаключении и статус определения, с которым все ясно».

Близость рассматриваемой ситуации к реальным судебным делам находится под большим вопросом, но интеллектуальный потенциал задачи очевиден². И для того чтобы задача была достаточно сложной, используется комбинация условных «законов», самих по себе нереальных, но повторяющихся в разных сочетаниях в других задачах и поэтому узнаваемых, и таких же повторяющихся персонажей: в данном случае фигурируют традиционные *отец* и *сын*, но также появляется и более редкий *бастард*, что Квинтилиан вынужден прокомментировать (3.6.97): «Термином *nothus* (бастард) греки обозначают незаконнорожденного сына, а латинского термина для этого нет, как свидетельствует Катон в какой-то из речей, поэтому нам приходится пользоваться заимствованием».

Еще более экзотический набор персонажей дается в седьмой книге при разборе одного из подвигов «статусов от закона» – силлогизма: «этот статус выводит из того, что написано, то, что является неопределенным – и поскольку это заключение делается умом, он называется умозаключением. Он разделяется примерно на такие виды: то, что определено правом единожды, таково ли и в большем числе случаев? – “*Осужденная за инцест* и сброшенная со

² Весьма интересны в этой связи рассуждения Марру [Marrou 1964, pp. 416–418]: в качестве возражения на всем известную критику декламации он задается вопросом, могло ли античное общество ошибаться с применением этого образовательного инструмента более тысячи лет? Нет ли в этих упражнениях каких-то свойств, которые позволили античной культуре достичь своего небывалого положения? Что, если выдуманный характер сюжетов, непохожих на реальную жизнь, может даже более эффективно и плодотворно сказываться на развитии способностей учеников?

скалы выжила – ее требуют наказать повторно”; то, что действует по отношению к одному, действует ли на многих? – “Убивший одновременно двух *тиранов* требует две награды”; то, что дозволено до, дозволено ли после? – “*Насильник* сбежал, *жертва* вышла замуж, когда тот вернулся, она требует наказания по своему выбору”; то, что относится к целому, относится ли к части? – “Брать в залог плуг не дозволено; в залог принят лемех”; то, что относится к части, относится ли к целому? – “Вывозить шерсть из Тарента не дозволено; были вывезены овцы”. В этих случаях умозаключение будет основываться в том числе и на тексте – обвинитель скажет, что текст достаточно предусмотрителен: “Требую, чтобы *совершившая инцест* была сброшена – таков закон», и “*Жертва насилия* требует наказания по своему выбору”, и “На овце есть шерсть”, и тому подобное. Но поскольку можно возразить: “Не написано, что осужденная должна быть сброшена дважды, что *жертва* может требовать наказания, когда захочет, что *тираноубийца* получает две награды; ничего не предусмотрено по поводу лемеха, по поводу овец”, так что заключение о том, что сомнительно, выводится из того, что очевидно» (7.8.3–6).

Это место удивительным образом похоже на знаменитый критический пассаж из «Диалога об ораторах» Тацита (35): «ведь у риториков занимаются лишь речами двух видов – свасориями и контroversиями; свасории как якобы несомненно более легкие и не требующие зрелости мысли поручаются мальчикам, а контroversии – более взрослым, и на какие поистине нелепые темы! И на такую надуманную, оторванную от жизни тему все же сочиняется декламация. Вот и выходит, что в школе ежедневно произносятся речи о наградах *тираноубийцам*, или о выборе, предоставляемом *претерпевшим насилие девушками* своим *похитителям*, или о мерах пресечения моровой язвы, или о *кровосмесительных связях матерей* с сыновьями, или о чем-либо ином в этом же роде, что рассматривается в суде или исключительно редко, или вообще никогда; но перед настоящими судьями...» (перевод А.С. Бобовича³). Многие обращают здесь внимание на критику школы, я же хотел бы сделать акцент на слове «ежедневно» (*cotidie*). Обыденный и повседневный характер такого рода упражнений сатирически изображает Ювенал (7.150–151): «Ты декламации учишь? Какая железная глотка, // Ветгий, нужна, чтоб твой класс наконец уничтожил тиранов! // Сидя читается речь, а потом то же самое стоя //

³ Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, Г.С. Кнабе, Е.П. Ореханова, М.Е. Сергеевко, И.М. Тронский. М., 2003. С. 515–516.

Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он: // Теми же щами совсем убивают наставников бедных» (пер. Д.С. Недовича⁴).

Хотя перечисление необычных и оторванных от жизни сюжетов, более подходящих для приключенческих романов, стало практически обязательным при разговоре о декламации (ср.: [Bernstein 2013, pp. 3–4]), нельзя не заметить, что типаж повторяется и вполне узнаваем. Так, Данкл убедительно показывает [Dunkle 1971, pp. 13–14], что в тринадцатой филиппике Цицерон для характеристики Антония использует комбинацию из образов тирана и главаря пиратов – типажей злодеев, знакомых слушателям по риторической школе, и именно в силу последнего такая комбинация не казалась им странной, как может показаться нам. Естественным образом возникает идея, отраженная в ряде комментариев, что в риторической школе задачи, в которых участвуют тираны и тираноубийцы, могли использоваться для выражения оппозиционных республиканских настроений в императорскую эпоху. Целую книгу этому посвятила Табакко [Tabacco 1985], хотя и она вынуждена признать, что «Подобная репрезентация <тирана как антипода положительно оцениваемой республики> должна быть соотнесена с официальной пропагандой, которая, начиная с Августа, не допускала мысли о том, что в государственном устройстве произошли изменения с приходом принцепса. С другой стороны, упорство подобной пропаганды в конце концов выполняло функцию удерживания принципата от соскальзывания к более открытым формам автократии» [Tabacco 1985, pp. 132–133].

На деле основным аргументом в пользу того, что использование (ежедневное!) образов тиранов и тираноубийц в риторических школах могло восприниматься как угроза императору, служат лишь два места из эпитомы Кассия Диона: (59.20.6, о Калигуле) «Он был подозрителен и завистлив равным образом ко всему. Однажды, например, он отправил в изгнание ритора Каррината Секунда за то, что тот в качестве ораторского упражнения произнес речь против тиранов» (пер. А.В. Махлаюка⁵) и (67.12.5, о Домициане) «Также и софист Матерн был умерщвлен за то, что в произнесенной в качестве упражнения речи сказал что-то против тиранов» (пер. А.В. Махлаюка⁶). К сожалению, мне не удалось найти какой-либо

⁴ Ювенал. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича, Ф.А. Петровского; вступ. ст. В.С. Дурова. СПб., 1994. С. 81. См. также комментарий: *Thirteen satires of Juvenal* / Ed. by J.E. Mayor. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 306–307.

⁵ Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. 51–58 / Пер. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2014. С. 460.

⁶ Там же. Кн. 59–80 / Пер. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 76–77.

дополнительной аргументации. С критикой такого подхода выступил в своей книге Флескес⁷: 1) он приводит аргументацию Фридендера о том, что оба случая совершенно исключительны и что нет свидетельств, чтобы они на что-то повлияли; 2) если бы основанием для преследования было просто использование образа тирана, мы должны были бы знать о гораздо большем количестве подобных случаев; 3) что, вероятно, речь могла идти об использовании в декламации прямых намеков и указаний на личность императора (особенно в случае упомянутого Матерна, если идентифицировать его с персонажем «Диалога об ораторах» Тацита). Еще большее сопротивление оказывает тот факт, что Эрманну [Herrmann 1939] удалось с опорой на текст Тацита и эпиграммы Марциала доказать, что Дион Кассий ошибся и в дате, и в характере смерти Матерна, который умер от естественных причин.

К этому спору я хотел бы добавить еще некоторые аргументы. Прежде всего, надо сказать о Таците, охваченном, по словам Данкла, «очевидным антиимперским предрассудком» [Dunkle 1971, p. 19]: процитированный выше пассаж о школе (35) представляется частью более комплексного противостояния новой и старой эстетики, как об этом пишет ван ден Берг [van den Berg 2014, pp. 241–293], тогда как тема политической оппозиции обыгрывается в первой части «Диалога» и связывается с драмой⁸; образ тирана в политической инвективе также происходит из драмы [Dunkle 1967]; Август последовательно связывал свою политическую пропаганду сначала с драмой, а затем с эпосом [Шумилин 2017]. Поэтому, если даже Калигула действительно воспринял школьное упражнение в политическом смысле и сослал Каррината Секунда, это должно быть воспринято как вопиющая экстравагантность. С другой стороны, Квинтилиана, обласканного Домицианом и назначенного наставником предполагаемых наследников императора, трудно заподозрить в антимонархических взглядах. Показательно, что при разборе категории «уместности» он вспоминает стих Катутла (93) так (11.1.38): «Кто-то из поэтов заявил, что ему неважно, Цезарь – “белый ли, черный ли человек”. Безрассудство! Поменяй местами, чтобы Цезарь сказал то же самое про него, – будет высокомерие». Вероятно, чтобы дурная оценка этого высказывания не распространялась на ее автора, Квинтилиан намеренно пропускает имя поэта, тогда как в десятой книге при обзоре римской литературы вполне находит, за что его можно похвалить.

⁷ Fleskes W. Vermischte Beiträge zum litterarischen Porträt des Tyrannen im Anschluss an die Deklamationen. Münster, 1914. S. 3–4.

⁸ Ibid. S. 4.

Поэтому, как я пытался показать, регулярное употребление образа тирана у Квинтилиана и в других источниках, отражающих школьную практику, не следует как-то особо выделять и противопоставлять использованию всех остальных экзотических персонажей и сюжетов. Наоборот, за счет повседневного обращения к ним и стопроцентного узнавания типажей они должны были восприниматься как стандартные условия задачи, вроде наших велосипедистов на уроках математики, вечно отправляющихся по прямой из точки А в точку Б. Конечно, подобное упрощение не должно отвлекать наше внимание от того, что яркость образов и острота некоторых сюжетных ситуаций давали обучающимся большие возможности для эмоциональной проработки характера и художественной отделки речи, что, в свою очередь, могло уводить преподавателя и учеников от практической задачи подготовки к судебным выступлениям и вызывать критику как современников, так и потомков.

Благодарности

Проект по комментированному переводу «Воспитания оратора» Квинтилиана осуществлялся при финансировании Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Acknowledgements

Translation and commenting of Quintilian's "Institutio Oratoria" has been a project founded by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Литература

- Гаспаров 1972 – *Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 7–73.
- Кузнецова-Стрельникова 1976 – *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. 287 с.
- Шумилин 2017 – *Шумилин М.В.* Судьба «Фиеста» Вария в контексте культурной политики Августа // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 4. С. 188–201.

- van den Berg 2014 – *Berg C.S., van den*. The world of Tacitus' dialogus de oratoribus. Aesthetics and empire in Ancient Rome. Cambridge, 2014. 344 p.
- Bernstein 2013 – *Bernstein N.W.* Ethics, identity, and community in later Roman declamation. Oxford, 2013. 240 p.
- Bloomer 2011 – *Bloomer W.M.* The school of Rome. Latin studies and the origins of liberal education. Berkeley; Los Angeles, 2011. 294 p.
- Bonner 1949 – *Bonner S.F.* Roman declamation in the Late Republic and Early Empire. Liverpool, 1949. 177 p.
- Dunkle 1967 – *Dunkle J.T.* The Greek tyrant and Roman political invective of the Late Republic // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1967. Vol. 98. P. 151–171.
- Dunkle 1971 – *Dunkle J.R.* The rhetorical tyrant in Roman historiography: Sallust, Livy and Tacitus // The Classical World. 1971. Vol. 65. No. 1. P. 12–20.
- Herrmann 1939 – *Herrmann L.* La mort de Curiatius Maternus // Latomus. 1939. T. 3. Fasc. 1. P. 58–60.
- Marrou 1964 – *Marrou H.I.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris, 1964. 645 p.
- Tabacco 1985 – *Tabacco R.* Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua Latina // Memorie dell'Accademia delle Scienze di Torino, Serie 5. 1985. Vol. 9. P. 1–141.

References

- Berg, C.S., van den (2014), *The world of Tacitus' dialogus de oratoribus. Aesthetics and empire in Ancient Rome*, University Printing House, Cambridge, UK.
- Bernstein, N.W. (2013), *Ethics, identity, and community in later Roman declamation*, Oxford University Press, New York, USA.
- Bloomer, W.M. (2011), *The school of Rome. Latin studies and the origins of liberal education*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, California, USA.
- Bonner, S.F. (1949), *Roman declamation in the Late Republic and Early Empire*, University Press of Liverpool, Liverpool, UK.
- Dunkle, J.T. (1967), "The Greek tyrant and Roman political invective of the Late Republic", in *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA, vol. 98, pp. 151–171.
- Dunkle, J.R. (1971), "The rhetorical tyrant in Roman historiography. Sallust, Livy and Tacitus", in *The classical world*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA, vol. 65, no. 1, pp. 12–20.
- Herrmann, L. (1939), "La mort de Curiatius Maternus", in *Latomus*, Société d'Études Latines de Bruxelles, Bruxelles, Belgium, t. 3, fasc. 1, pp. 58–60.
- Marrou, H.I. (1964), *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*, ed. du Seuil, Paris, France.
- Tabacco, R. (1985), "Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua Latina", in *Memorie dell'Accademia delle Scienze di Torino*, serie 5, Accademia delle Scienze, Torino, Italy, vol. 9, pp. 1–141.

- Gasparov, M.L. (1972), “Cicero and the Rhetoric of Antiquity”, in *Mark Tullii Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Marcus Tullius Cicero. Three treaties on oratory art], Nauka, Moscow, USSR, pp. 7–73.
- Kuznetsova, T.I. and Strel'nikova, I.P. (1976), *Oratorskoe iskusstvo v Drevnem Rime* [The art of rhetoric in Ancient Rome], Nauka, Moscow, USSR.
- Shumilin, M.V. (2017), “The fate of Varius' *Thyestes* in the context of Augustus cultural policies”, in *Shagi* [Steps], Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 188–201.

Информация об авторе

Алексей Е. Беликов, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51;

Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт», Долгопрудный, Московская обл., Россия; 141701, Россия, Московская обл., г. Долгопрудный, Первомайская ул., д. 3; belikov.smu@gmail.com

Information about the author

Alexei E. Belikov, Cand. of Sci. (Philology), Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia; 1-51, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991;

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Moscow Region, Russia; 3, Pervomayskaya St., Dolgoprundny, Moscow Region, Russia, 141701; belikov.smu@gmail.com